

И. П. ЧЕРНАЯ*

Геоэкономические факторы развития экономических циклов в современную эпоху

В статье представлен анализ современных подходов к развитию экономических циклов разной длительности и сопряженности. Особое значение уделено прогностической функции К-циклов, связанных с развитием геоэкономических факторов в цифровую эпоху. Их изучение в контексте развития современного экономического цикла позволило выявить вызовы и перспективы смены геоэкономического лидера в процессе противоборства США – Китая и России.

Ключевые слова: геоэкономика, геоэкономический полюс силы, четвертая промышленная революция, экономический цикл.

I. P. CHERNAYA

The Geoeconomic Factors of Economic Cycles Development in the Modern Age

The article presents an analysis of modern approaches to the development of economic cycles of different duration and conjugation. Particular importance is given to the prognostic function of K-cycles associated with the development of geo-economic factors in the digital age. Studying them in the context of the development of the modern economic cycle made it possible to identify the challenges and prospects for changing the geo-economic leadership in the process of confrontation of the United States with China and Russia.

Keywords: geoeconomics, geoeconomic pole force, the fourth industrial revolution, economic cycle.

Острые дискуссии о природе циклического развития общества, продолжающиеся с разной степенью активности в различных отраслях зарубежной и отечественной науки, приобретают особое значение

ЧЕРНАЯ Ирина Петровна – доктор экономических наук, профессор, проректор. Rinach55@yandex.ru.

CHERNAYA I. P. - Doctor of Economic Sciences, professor, vice-rector.

* Тихоокеанский государственный медицинский университет. 690002, Россия, г. Владивосток, пр-т Остриякова, 2.
Pacific State Medical University. 2, Ostryakova Ave., Vladivostok Russia, 690002.

в современную эпоху усиления противостояния мировых держав. Анализ причин и характера противоборства, динамики изменений на международной арене, включая экономические и политические последствия санкционной политики развитых государств в отношении России, дает возможность исследователям выделять новые грани в концепции циклов и использовать в том числе их прогностические возможности. Принимая во внимание ограничения такого подхода, о чем метко написал Дж. Голдстейн применительно к выделенным им военно-политическим циклам: «прошлое предопределено, но будущее – нет» [21], следует согласиться с позицией Н. Г. Барашова [3] о применимости прогностической функции циклов в некоторых узких областях, например, в экономике и геополитике. В развитии этой идеи закономерной является постановка вопроса об изучении возможного развития геоэкономической составляющей современной фазы экономического цикла и роли в ней России и Китая как основных противников мирового лидера – США.

Современный экономический цикл: сущность и особенности. В экономической науке существование циклов давно является аксиомой, однако их общепризнанного объяснения не существует, а потому вот уже около двух столетий проблема циклов (длинных волн, циклов конъюнктуры и др.) остается одной из наиболее спорных. Современные методы позволяют выделить около 1 400 видов циклов, имеющих отношение не только к экономике, но и другим сторонам общественной жизни. При этом даже циклы одного порядка, характеризующиеся равной продолжительностью и движущими силами, при всем сходстве имеют различия. Как образно написал П. Самуэльсон, они не являются близнецами, но принадлежат одной семье. К циклам нельзя применять точные формулы, по своему проявлению экономические циклы скорее напоминают волны эпидемических заболеваний, капризы погоды или колебания температуры у больного [15]. Механизм циклов тесно связан с периодическими колебаниями – элементами временного ряда, и проявляется в таких особенностях фаз, как повторяемость, способность к самовоспроизведению и регулярность.

В развитии экономических циклов Б. Шипошем обнаружена следующая зависимость: более продолжительные циклы, «вбирая» в себя, поглощают более короткие, которые примерно вдвое короче [17, с. 87]. Такая «свертываемость» циклов может быть проиллюстрирована следующим образом. Кроме наиболее известных циклов Н. Д. Кондратьева (К-циклов) продолжительностью 40–60 лет, движущей силой которых являются технологические инновации, выделяют циклы С. Кузнеця длиной около 20 лет, стимулируемые радикальными изменениями в воспроизводственной структуре производства, затем циклы К. Джаглера с периодичностью 7–11 лет как итог взаимодействия многообразных денежно-кредитных

факторов, циклы Дж. Китчина продолжительностью в 3–5 лет, генерируемые динамикой относительной величины запасов товарно-материальных ценностей на предприятиях, и наконец, частные хозяйственные циклы, охватывающие период от 1 до 12 лет и существующие в связи с колебаниями инвестиционной активности. Данная закономерность применима не только к собственно экономическим циклам, но и циклам, имеющим более широкую общественную природу. Так, К-циклы можно «вложить» в длинные военно-политические циклы Дж. Модельски и В. Томсона (длиной около 100 лет), связанные с установлением мирового лидерства, и/или в одноименные (называемые также «гегемонистскими») циклы Дж. Голдстайна (продолжительностью около 150–200 лет).

Все названные циклы обуславливают особенности характеристик современного экономического цикла. Незавершенность в разработке теорий циклов приводит к тому, что не только природа, но и датировки циклов у различных авторов разные. Тем не менее, с учетом упомянутой выше «свертываемости» циклов, большинство исследователей сходятся во мнении, что современный этап – это начало повышательной волны шестого кондратьевского цикла, которая займет 15–20 лет в развитых странах. Эта фаза связана с ходом четвертой промышленной революции, а в ее рамках с энерго-экологической революцией [8], нано- и биотехнологиями и в целом «с так называемой NBIC-конвергенцией, где *N* расшифровывается как нанотехнологии, *B* – биотехнологии, *I* – информационные технологии, а *C* – когнитивная наука» [18]. Однако подъем не будет высоким, т. к. на него накладывается понижительная тенденция цикла Модельски, который, по оценкам экспертов, в этот период войдет в фазу мировой войны, чреватую катаклизмами [1; 14]. Этот этап также сопрягается с фазой «опасного сочетания экономического роста и упадка гегемонии» цикла Дж. Голдстайна [7], что позволяет предсказывать завершение военного цикла к 2020 г. с опасностью мировой войны и коллапса золота и в целом говорить о «Коллапсе–2020» [13]. В 2020-х гг. начнется понижительная волна К-цикла, в которой совпадут понижительные фазы сразу нескольких длинных циклов (кредитного с кредитным пузырем, инфляционного, цикла смены поколений и энергетического). К 2050-м гг. ожидается формирование седьмого К-цикла, который продолжится почти до конца XXI в.

Таким образом, современный К-цикл – это не просто цикл, охватывающий различные сферы жизни страны. Влияние глобализации, проявившееся в том числе в значительной синхронизации циклов разных государств, ведет к тому, что важнейшими факторами циклов становятся изменение баланса сил на международной арене, смена императивов и векторов конкуренции лидирующих государств. Это означает, что среди движущих

сил циклических колебаний особое развитие получают геоэкономические факторы.

Геоэкономические факторы экономических циклов. Геоэкономика – наука, возникшая в 1990-х гг. и рассматривающая, в отличие от геополитики, не территориальные, а экономические вопросы распределения ресурсов, которые в общем виде можно представить как выбор конкурентной стратегии государства с учетом факторов глобального и локального развития. В таком определении следует особо обратить внимание на три фактора. Во-первых, геоэкономика исследует формирование и реализацию экономических, а не военных стратегий в ходе межгосударственного соперничества [26]. Во-вторых, в 1990-х и 2000-х гг. с усилением глобализационно-интеграционных процессов и формированием многополярного мира акценты в этом соперничестве смещались в зону геофинансов, тогда как нынешнее постглобализационное противостояние привело к обострению вопросов экономической безопасности, в том числе в области самообеспечения стратегическими ресурсами [24]. В-третьих, наибольшей конкурентоспособностью в геоэкономических координатах обладает государство, имеющее стратегическое положение в международной сети или их совокупности и обладающее возможностью максимально использовать конкурентные преимущества. В этом смысле экономические циклы представляют собой чередование периодов соперничества и гегемонии государств, обладающих определенной геоэкономической мощью как потенциалом ресурсов (природных, политических, человеческих, финансовых и др.), имеющих знаковое значение в данный конкретный период для влияния на акторов мирового рынка.

В соответствии с сущностными характеристиками геоэкономики заслуживает внимания интерпретация содержания экономических циклов, предложенная Н. С. Розовым. Повышательная фаза К-цикла включает в себя период восходящей гегемонии и острых конфликтов между претендентами на лидерство, достижение победы наиболее сильным игроком, который становится гегемоном. Понижательная фаза – закрепление гегемонии на рынке, накопление геоэкономического потенциала гегемоном и его сторонниками, а потом постепенный упадок гегемонии, появление новых претендентов на гегемонию [12].

В развитии этой темы необходимо учитывать действие сформулированного О. Ариным (псевдоним А. Бэтлера) закона «полюса», в соответствии с которым в геоэкономическом пространстве глобальный или региональный полюс представляет страна, отличающаяся от других превосходством экономической мощи над экономическим потенциалом вслед идущего государства как минимум в два раза. Гегемония на международной арене определяется не только через полюсы, но и через

геостратегические «центры силы», обладающие внешнеполитическим потенциалом (ВПП), объем которого должен превосходить ВПП субъекта конкурента как минимум в 2 раза на региональном уровне и в 4 раза на глобальном [10]. Используем подход О. Арина для анализа расстановки геоэкономических сил современного экономического цикла.

По данным МВФ за 2017 г. [4], ВВП США равен почти 19,3 трлн долл. США. Это государство по-прежнему возглавляет рейтинг стран по абсолютному показателю ВВП, однако уже не может считаться глобальным геоэкономическим полюсом силы, т. к. следующий в рейтинге Китай имеет показатель почти 12,3 трлн долл. США. Таким образом, разрыв между лидерами рейтинга составляет 1,5 раза, что меньше требуемой по закону «полюса» величины. Это существенным образом отличается от ситуации 2007 г., когда США с показателем ВВП в 13,9 трлн долл. США были абсолютным глобальным геоэкономическим полюсом силы, т. к. вторая в рейтинге стран Япония имела лишь 4,8 трлн долл. США, т. е. разрыв между ними составлял почти 3 раза. В современный период КНР не только приблизилась к США, но и стала региональным лидером в Восточной Азии, т. к. ВВП Японии теперь составляет около 4,5 трлн долл. США, что меньше рассматриваемого показателя Китая в 2,7 раза. США стали региональным лидером в Семерной Америке (ВВП Канады 1,5 трлн долл. США). Россия с ВВП в 1,3 трлн долл. США сохраняет роль регионального лидера на постсоветском пространстве: Казахстан имеет 135,1 млрд долл. США.

Что касается положения «центра силы», то для его расчета О. Арин берет показатели, характеризующие расходы на внешнюю политику и складывающиеся из финансовых потоков, закладываемых в бюджет страны и реализуемых через аппарат внешней политики (министерства иностранных дел, министерства обороны, информационно-пропагандистские службы, пограничная охрана, внешнеэкономические организации, службы внешней безопасности или разведки и т. д.). Выполнить полный расчет таких данных по странам-лидерам мировой экономики не представляется возможным из-за отсутствия всех статистических сведений, однако достаточно показательна информация по военным расходам. По данным ТАСС, в справочных документах к проекту федерального бюджета США на 2018 финансовый год было предусмотрено увеличение военных расходов до 668 млрд долл. США, а расходы на нужды Госдепартамента и другие международные программы предлагалось сократить до 28,2 млрд долл. США [11]. (В 2007 г., по данным О. Арина, показатель внешнеполитического потенциала был равен 540 млрд долл. США [2]). Косвенным подтверждением сохранения США статуса «центра силы» являются данные Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в соответствии с которыми в 2017 г. военные расходы США превысили

общий объем расходов семи следующих за ними крупнейших военных экономик мира и составили 610 млрд долл. США. Второй по величине военных расходов страной является Китай, который увеличил свои расходы до 228 млрд долл. США, достигнув 13 % в общем объеме мировых военных расходов. Общие мировые расходы достигли 1 739 млрд долл. США [20].

Обострение геэкономических противоречий между странами, имеющими характеристики геэкономических полюсов и центров силы, вполне закономерно для повышательной фазы К-цикла. В этом плане интерес представляет анализ вызовов и перспектив сотрудничества России и Китая как противовеса нынешнего лидера мировой экономики – США.

США, Китай и Россия: вызовы и перспективы противостояния.

Анализ современной геэкономической ситуации на мировом рынке показывает, что одной из наиболее острых проблем является борьба за лидерство между гегемоном США и нарождающимися геэкономическими полюсами, набравшими мощь за последнее десятилетие, к числу которых следует отнести, прежде всего, Китай и Россию – лидеров, например, таких международных объединений, как ШОС и BRICS. Для характеристики данной проблемы воспользуется теорией экономического цикла Модельски и Томпсона.

В терминологии Дж. Модельски и В. Томпсона США является «мировым лидером», Китай и Россия – «челленжерами», т. е. государствами, бросающими лидеру вызов, оспаривая его глобальное первенство. Современные события, по меткому выражению В. И. Пантина и В. В. Лапкина [9], свидетельствуют о явных признаках имперского перенапряжения Соединенных Штатов, связанного с происходящим переструктурированием мировой политической и экономической системы. Принимая во внимание дискуссионность многих выводов теории Дж. Модельски и В. Томпсона, тем не менее, отметим предложенный ими и дополненный В. И. Пантиним и В. В. Лапкиным алгоритм смены мирового лидера как развитие фаз длинного цикла глобальной политики: определение повестки дня, построение коалиций, макрорешение и исполнение. В начале XXI в. мир вступил в первую стадию смены лидера и, возможно, уже входит во вторую [9; 25]. Рассмотрим содержание этих фаз с учетом геэкономических факторов формирующегося экономического цикла.

Как указывалось выше, современный период представляет собой период подъема К-цикла, в ходе которого реализуется первая фаза противостояния геэкономических держав как определение повестки дня мирового развития на основе углубления противоречий страны-лидера на фоне роста успеха более эффективного соперника. Обострение конкуренции США, Китая и России наглядно демонстрирует использование закона

«полюса силы», позволяющего сделать однозначный вывод об утрате Соединенными Штатами Америки роли глобального лидера. Ослабление США связано не только с замедлением темпов экономического роста, но и с потерей первенства в разработке и внедрении инноваций, проблемами финансовой политики [22]. В таком контексте закономерно увеличение экспорта леса из США в КНР, объем которого превысил показатели России [27].

Напротив, усиление геоэкономической мощи КНР связывается не только с сохранением высоких темпов экономического роста (до 2020 г. ежегодные темпы составят около 6,5, до 2025 г. – около 5, к 2030 г. – до 4 %), увеличением ВВП на душу населения, позволяющим к 2035 г. опередить США, а также с лидерством в инновациях. По прогнозам PricewaterhouseCoopers, ВВП Китая благодаря искусственному интеллекту вырастет на 26 % к 2030 г. [6].

Позиции России на мировом рынке более скромные. Однако в новой национальной стратегии США именно Россия и Китай определены американской администрацией как основные угрозы, которые стремятся к созданию нового мирового порядка как в военном, так и в экономическом плане, что может нанести ущерб или воспрепятствовать американским интересам [16]. Неадекватность подобного подхода признают многие эксперты. Например, Гр. Аллисон, бывший замминистра обороны США, называет ситуацию нагнетания американской стороной напряженности отношений с Россией «ловушкой Фукидида», используя аналогию с противостоянием Спарты и Афин в Пелопоннесской войне [19]. О противостоянии США с РФ и КНР говорится и в докладе американского Центра стратегических и бюджетных оценок (CSBA) как о долгосрочной конкуренции, новые участники которой намерены менять региональные и международные нормы в свою пользу частично путем подрыва влияния США в своем регионе. Поэтому авторы доклада рекомендуют Пентагону использовать не столько военные средства, сколько инструменты новой цифровой эпохи, включая кибератаки [23].

В таких условиях начинает разворачиваться вторая фаза противостояния ведущих держав, связанная с созданием коалиций, прежде всего со стороны стран-«челленжеров». Как подчеркивается в аналитической записке Российского совета по международным делам «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», стратегическое сотрудничество двух этих государств формируется на основе общих задач, несмотря на существующие различия во внутренней повестке, неравный экономический потенциал и по-разному складывающиеся отношения с мировыми игроками [5]. За последнее десятилетие совместными усилиями выработаны

приоритетные направления сотрудничества, включая формирование стратегического энергоальянса, призванного укрепить мировую энергобезопасность; торгово-экономическое, финансовое и инвестиционное сотрудничество; военно-техническое сотрудничество для усиления региональной безопасности; сотрудничество в области транспорта и инфраструктуры и др.

Для закрепления лидерских позиций Китая и России еще предстоит прожить фазы макрорешений и исполнения, в которых должна произойти смена геоэкономического лидера с постепенной утратой доминантных позиций бывшего лидера в экономической, финансовой, политической, военной и других сферах. Влияние четвертой промышленной революции на развитие экономических циклов и на усиливающееся противостояние геоэкономических полюсов будет нарастать и может сместиться в виртуальную область. Поэтому борьба США за уходящее лидерство будет принимать различные формы, включая гибридные и сетевые войны.

Это означает, что развитие очередного К-цикла будет наполнено острой конкурентной борьбой, положение России в которой нуждается в тщательном изучении всей совокупности геоэкономических факторов для выработки эффективных мер государственной политики, адекватных вызовам современной эпохи. Особого внимания заслуживает и проблема геоэкономических основ стратегического партнерства РФ и КНР, которая для приграничных территорий приобретает и дополнительный геополитический контекст, не получивший еще какого-либо осмысления в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Андрущенко М. А., Якубин А. Л. Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни // Политическая наука. 2009. № 1. С. 60–88.
2. Арин О. Мир и Россия: прогноз // Философия хозяйства. 2009. № 6. С. 64–86.
3. Барашов Н. Г. Прогностическая ценность концепции военно-политических циклов // «...И помнит мир спасенный...»: сб. науч. трудов по итогам междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Ч. 1. / отв. ред. Н. С. Яшин. Саратов: ССЭИ РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2015. С. 89–90.
4. Годовой отчет МВФ 2017. Содействие всеобъемлющему росту. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2017/eng/pdfs/AR17-RUS.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
5. Денисов И. Е., Сунь Ч., Лю Ф. Россия и Китай: сотрудничество в новую Эпоху. Итоги XIX съезда Коммунистической партии Китая и результаты президентских выборов в России. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Policybrief17-Ru.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).

6. Инновации и мировое лидерство: план развития Китая до 2050 г. URL: <https://ffin.ru/market/review/82/64069/#ixzz5IwqbaIcV> (дата обращения: 05.05.2018).
7. Комлева Н. А. Структура мирового господства // Пространство и время. 2012. № 1. С. 37–46.
8. Коротаяев А. В., Гринин Л. Е. Кондратьевские волны в мир-системной перспективе // Кондратьевские волны: аспекты и перспективы. Волгоград: Учитель, 2012. С. 58–109.
9. Лапкин В. В., Пантин В. И. Концепция эволюционного усложнения мировой политической системы. (Взгляд из России) // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 157–174.
10. Прогноз развития мировых отношений в XXI веке // Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 г. / под ред. Е. Чертока. М.: РТСофт, 2010. С. 483–554.
11. Расходы Пентагона в 2018 году предложено увеличить до \$ 639 млрд. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4272481> (дата обращения: 11.04.2018).
12. Розов Н. С. Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 107–121.
13. Румянцева С. Ю. Инвентаризация подходов для выработки показателей прогнозирования и планирования с учетом циклической динамики // Проблемы современной экономики. 2017. № 4 (64). С. 46–50.
14. Румянцева С. Ю. Особенности современной фазы мировой экономической конъюнктуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 5. Вып. 3. С. 3–19.
15. Самуэльсон П. Экономика: в 2 т. Т. 1. М.: Экономика, 1992. 658 с.
16. Трамп: новая стратегия национальной безопасности США. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-national-security-strategy/4168347.html> (дата обращения: 12.04.2018).
17. Шипош Б. Прогнозирование и эмпирическое исследование кондратьевских циклов // Закономерности научно-технического прогресса и долгосрочные тенденции экономического развития. Новосибирск, 1988. 188 с.
18. Яковец Ю. В. Циклы Кондратьева: теория и история, настоящее и будущее // Кондратьевские волны: палитра взглядов. Волгоград: Учитель, 2013. С. 23–30.
19. Allison Gr. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.
20. Global military spending remains high at \$1.7 trillion. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2018/global-military-spending-remains-high-17-trillion> (accessed: 10.05.2018).
21. Goldstein J. S. Long Cycles. Prosperity and War in the Modern Age. New Haven: Yale University Press, 1988. 433 p.

22. McCoy Al. W. The Decline and Fall of the American Empire: Four Scenarios for the End of the American Century by 2025. The Huffington Post, 6 Dec 2010. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3220> (accessed: 10.05.2018).

23. Montgomery E. Br. Reinforcing the front line U. S. Defense strategy and the rise of China. URL: https://csbaonline.org/uploads/documents/CSBA6234_Asia_Eurasia_Defense_Strategy_PRINT-2.pdf (accessed: 10.05.2018).

24. Sparke M. Geoeconomics, Globalisation and the Limits of Economic Strategy in Statecraft: A Response to Vihma // Geopolitics. 2018. Vol. 23, iss. 1. P. 30–37.

25. Suicide of the superpower: will the US survive until 2025? URL: https://www.amazon.com/gp/product/0312579977/ref=x_gr_w_bb?ie=UTF8&tag=x_gr_w_bb-20&linkCode=as2&camp=1789&creative=9325&creativeASIN=0312579977&SubscriptionId=1MGPYB6YW3HWK55XCGG2 (accessed: 10.05.2018).

26. Vihma A. Geoeconomics Defined and Redefined Geopolitics // Geopolitics. 2018. Vol. 23, iss.1. P. 47–49.

27. Wallack R. L. US forests reach new heights with wood exports. URL: <https://www.ajot.com/premium/ajot-us-forests-reach-new-heights-with-wood-exports> (accessed: 10.05.2018).

© Черная И. П., 2018

© Chernaya I. P., 2018

Для цитирования:

Черная И. П. Геоэкономические факторы развития экономических циклов в современную эпоху // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 2(83). С. 15–24.